

Пятого мая 2008 года А.С. Иванову, нашему замечательному писателю-земляку исполнилось бы 80 лет. Большая, честно и хорошо прожитая жизнь... И все же горько, когда уходят такие люди. А родным и друзьям вдвойне горько.

...Кем же был Иванов? Я думаю, не будет преувеличением сказать, что он был гениальным художником слова, Мастером.

Гениальность – способность к творчеству не благоприобретенная, а врожденная, закодированная в генах. Потому-то эта способность и называется дар, а не добыча.

Говорят, что «поэзия – это лучшие слова в лучшем порядке». Но «лучшие слова в новом порядке» – это проза, это ивановское искусство рассказа. Иванов был абсолютно профессиональный литератор, то есть он знал, как мучительно добываются лучшие слова и каких трудов стоит найти для них лучший порядок.

Иванов выстраивал свой текст и рассказывал о том, как ...или как..., и все эти случайные, слабые, заурядные человеческие отношения, вся эта «паутина земли», по выражению одного из американских прозаиков, становилась сущностной, значительной и необыкновенно интересной.

Анатолий Иванов знал секрет, как писать интересно. Сюжеты его реальны, как в жизни. Он говорил: «Я особенно горжусь, когда меня спрашивают: а это правда было? Или когда мои знакомые добавляют свои пояснения к моим повестям и романам, уточняют факты, это значит, что они принимают мои измышления за реальность». Сюжеты произведений Иванова просты. Да и сам он был простым в лучшем смысле этого слова. Простым, понятным и близким всем тем, кто встречался с А.С. Ивановым и знал его не только как писателя, но и как человека...

Жизнь порой дарит нам интересные встречи и так переплетает наши судьбы с судьбами других людей, что диву даешься.

В далеком, 1964 году меня вместе с другими старшеклассниками Новосибирской области, отправили в лагерь комсомольского актива близ Сибирского Академгородка. Тогда было такое интересное начинание: всех ребят, отличившихся в какой-нибудь творческой деятельности, собирали на каникулах (зимних или летних) вот в такие лагеря, проводили с нами занятия, организовывали встречи с интересными, знаменитыми людьми. В этот год на берегу Обского моря собрали математиков, физиков и филологов. Нашу филологическую секцию вел поэт Илья Фояков, работающий в журнале «Сибирские огни». Вскоре он уехал в Москву и работал в «Комсомольской правде» и «Литературной газете», выступал с очень интересными очерками, эссе, но по-прежнему писал стихи (в 1965 году вышел его первый сборник стихов).

Илья Фояков был удивительно демократичным человеком: разбирал наши первые опыты (у каждого из нас уже были напечатанные в районных газетах материалы) с юмором, до тонкостей вдаваясь в тайны слов; читал и свои первые работы, обычно это были стихи, которые он тоже не щадил, «щипал» и высмеивал даже напечатанные: «Ребята из детдома отчаянные были, Ребята из детдома всех без разбора били...»

Рифма простенькая, слова все с поверхности! Нет, ребятки, писать надо так, как

человеческого духа и мрачные глубины тленного падения людей».

Были ещё две встречи: А.С. Ивана глашали на августовские конференции Шемонанихинского района. Итель-земляк приезжал из Москвы для встречи с родными и близкими, а то и подлечить своё здоровье санатории, он всегда находил время чтобы побеседовать с учителями, как говорил: « Мы делаем одно важное дело – воспитываем Человека».

Конференции обычно проходили

МАСТЕР И ЧЕЛОВЕК

80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.С.ИВАНОВА ПОСВЯЩАЕТСЯ...

новенно сыгравших характеры интересные, цельные, полные жизненного драматизма.

Когда мы выходили из театра, переполненные необыкновенно романтическими и вместе с тем драматическими переживаниями, встретились с Цыкуновым: «Понравился вам спектакль? Незабываемое впечатление, не так ли?» – «Очень! Такая талантливая игра», – восторженно перебивая друг друга, ответили мы Якову Петровичу. – «Да, игра талантливая, но рассказ намного ярче», – поправил нас Цыкунов и неожиданно добавил:

Дома культуры. Послушать любимого писателя-земляка приходили не только учителя, но и все те, кому дорого его творчество. В зале не было ни одного свободного места, люди стояли в проходах между рядами.

Анатолий Степанович не любил вычужденности, нарочитости, официальной торжественности. Ему так не хотелось чувствовать себя по тому, как он разговаривал с собравшимися в зале ДК. Писатель не любил за трибуну, как это делали докладчики. Он был очень демократичен: выходил на край сцены и говорил очень довер-

АКТОВЫЙ ЗАЛ СТАНЕТ КЛУБОМ

В июле исполнится 80 лет со дня выхода указа о создании Урджарского района. В подготовке к знаменательному событию тон задают местные работники культуры.

В районе успешно работают четыре «народных» самодеятельных коллектива. В их репертуаре главным образом представлено певческое и танцевальное искусство народов Казахстана, а также стран ближнего и дальнего зарубежья. Для того, чтобы наиболее полно и образно отразить сценическими средствами путь, пройденный районом за 80 лет, готовятся постановки силами драматического театра «Керуен» и фольклорного ансамбля «Баркытбел».

— Оба коллектива Дома культуры уже выступили перед зрителями со своими дебютными программами. «Керуен» показал театрализованное представление «Каралы кош» — о голоде 30-х годов прошлого века, репрессиях и событиях декабря 1986 года. «Баркытбел» отметил исполнением кюя «Малгаждар» Секена Турысбекова и песней «Келди Наурыз», — говорит начальник районного отдела культуры и развития языков Кентау Назарбеков.

К слову, песня эта принадлежит перу К. Назарбекова.

Главным действием, в котором выявлялись таланты и возможности самодеятельных артистов, стал районный смотр «Асыл Мура». В нем приняли участие творческие коллективы всех сельских округов и школ района. Жанры на смотр были представлены самые разнообразные. Обязательной частью программы было исполнение произведений местных композиторов и поэтов, посвященных родному краю, любви к своей земле, людям. Финальным аккордом этого проекта стал гала-концерт с участием победителей и призеров смотра «Асыл Мура». Эта грандиозная концертная программа из 72 номеров задействовала более 700 человек!

Но если с творческим порывом у урджарских артистов все в порядке, то о материальной стороне районных учреждений культуры этого не скажешь. После недавней разрухи в строю оставались только Дом культуры в райцентре и семь сельских клубов. А 27 сельских округов лишились своих культочагов. Сейчас, наконец, принимаются меры по восстановлению сохранившихся клубов. Районный акимат выделил на эти цели 166 миллионов тенге. Нынче планируют капитально отремонтировать Дома культуры в Маканчи и Урджаре, клубы в селах Бахты и Кокозек. В ряде сельских округов в рамках программы социальной ответственности бизнеса на ремонт клубов средства выделяют местные предприниматели. Есть надежда, что скоро окна клубов зажгутся во многих центрах сельских округов.

Но есть немало сел, в которых клубов больше нет. Их попросту развалили, а построить сейчас новые невозможно: денег в бюджете нет. К. Назарбеков предлагает нестандартный выход из создавшегося положения — использовать для проведения культурных мероприятий актовые залы школ. И не просто использовать, а сделать их своеобразными клубами. Районный отдел культуры готов выделить для работы в них, штат культработников, которые и организуют культурно-просветительский досуг на селе. Это несомненно станет новым толчком в развитии самодеятельных и творческих коллективов в районе, поможет достойно встретить юбилей.

Александр ШАКА

Урджарский район

ЕЩЕ ОДИН ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

«Уже ли та самая»

а затем и в своих знаменитых романах «Тени исчезают в полдень» и «Вечный зов».

Вот как писал он в очерке «Преобразование» о своем родном городе: «Не на всякой карте он обозначается. ...А если кто и слышал о нем, вряд ли укажет, где он находится. От Москвы скорым поездом ехать до Шемонаихи трое суток, ехать все на север, мимо го-

родов, сел и поселков, а, уже доезжая, мимо высокого каменного утеса, под отвесными скалами которого плещется озеро, до светлой реки Убы.

И сразу же за Убой, окаймленной каменными сопками, на склоне плодородной лощины и лежит небольшой городок Шемонаиха. Впрочем, Шемонаиху можно назвать и Шантарой, а Убу — Светлихой. Под такими названиями они описаны в моих романах «Тени исчезают в полдень» и «Вечный зов».

«Шемонаиха — моя родина, здесь я родился...»

Шемонаихинцы помнят и любят своего знаменитого земляка. Уже стало традицией ежегодно, пятого мая в школе № 1, где учился будущий писатель, проводить Ивановские чтения, во время которых школьники показывают инсценировки по произведениям Иванова, со сцены звучат стихи, посвященные знаменитому земляку. В школах района проводятся конкурсы творческих работ. И особенно трогательно звучат в сочинениях ребят их откровения о Марьином утесе, на котором не однажды побывали многие из них.

Вот отрывок из сочинения выпускницы средней школы имени А.С. Иванова А. Прониной:

«У меня земля есть с зареченскими лугами, с утесом над речкой, с осокорем над утесом... И я за всем этим, как за железной стеной...», — так писал о своем родном крае наш земляк, журналист и писатель — Анатолий Степанович Иванов.

Сегодня мне хочется поразмышлять о Марьином утесе. Возможно, на выбор темы повлиял роман А.С. Иванова «Тени исчезают в полдень», который я сейчас с увлечением читаю; может быть, родилось какое-то неосознанное внутреннее чувство, но я решила, что Марьин утес уже давно стал своеобразным поэтическим символом Шемонаихинского района.

Мне кажется, что роман «Тени исчезают в полдень» написан не по какому-то творческому расчету писателя, а создан по зову серд-

ины нравс-
анова при-
ции учите-
хотя писа-
на родину
ему людье-
в местном
я для того,
оторым он
и нужное

пи в зале

В

К

ВА

ого всеми
лько учи-
орчество.
ого места,
ми.
помпез-
сти. Это
варивал с
не встал
дчики до
одошел к
гельно и

пишет мой друг Толя Иванов: у него каждое слово на вес золота. А черновики все исчерканные, иную страницу по 15-20 раз переписывает! Учитесь у Мастера шлифовать каждое слово, выныривать его, как ребенка.

Фоняков открывал номер «Сибирских огней» и начинал читать нам очередную страницу из романа Анатолия Степановича «Тени исчезают в полдень». Особенно поразительным считал он описание гибели Вороновой Марьи, первой председательницы Зеленодольской коммуны «Рассвет» от рук кулаков.

«Однажды утром, ещё до восхода солнца, хватились — нету Марьи Вороновой... Заметались мужики по деревне... И вдруг, уже к вечеру, вой по всему Зеленому долу: — «На утесе!.. На утесе она!» Хлынул народ туда. Марья лежала на краю утеса на спине, а запрокинутая голова ее свисала с камнем над речкой, над омутом. И на восход солнца она смотрела. Смотрела, да не видела ничего. Не было больше глаз у Марьи, одни кровавые ямы. Понимал Захар, и все понимали, что хотел сказать тот, кто учинил над председательницей артели «Рассвет» эту дикую расправу: вот так, мол, каждый будет смотреть на свой рассвет. Понимали — и молчали. Жуть висела над утесом».

Читал Фоняков просто, без актерства, но так, что нам, слушающим его (а многие не читали еще роман, так как вышел он только в номерах журнала «Сибирские огни», где, кстати, работал А. С. Иванов в то время), зримо представлялся этот утес, который зеленодольцы назовут Марьиным, и трепетавшее на ветру деревце, посаженное Анисимом Шатровым через год после ее гибели.

Конечно же, нам, «семинаристам», как называл нас Илья Фоняков, очень хотелось встретиться с Анатолием Степановичем Ивановым, увидеть вживую писателя, чьиими книгами тогда мы зачитывались: «Алкины песни» и «Повитель» передавали из рук в руки, брали на ночь. И представьте нашу радость, когда руководитель семинара пообещал нам встречу с Ивановым: «Анатолий Степанович встретится с вами, ребята, на закрытии лагеря, обещал — значит слово сдержит, если только не помешают какие-нибудь непредвиденные обстоятельства».

Ох, уж эти непредвиденные обстоятельства, они-то и помешали нашей встрече. Но к нашему огорчению примешивались и радость за Анатолия Степановича. Его, оказывается, вызвали неожиданно для него самого в Москву, в издательство «Советский писатель», где должен был выйти уже отдельной книгой роман «Тени исчезают в полдень». Перед отъездом Анатолий Степанович передал свои извинения за несостоявшуюся встречу и пожелание творческих успехов, а, главное, огромного труда. Только так, много и плодотворно работая, вы чего-то достигнете в своей жизни.

Через год мне пришлось переехать вместе с семьей в Казахстан. Отца по приказу совнархоза перевели на строившийся цементный завод. В Усть-Каменогорском пединституте я вновь услышала об А.С. Иванове и узнала о нем от человека, который его очень хорошо знал. Произошло это так...

Историю устного народного творчества и русской литературы первой половины XIX века нам, студентам историко-филологического факультета УКПИ читал Я.П. Цыкунов, как оказалось позже, большой любитель оперетты. В 60-е годы в Усть-Каменогорске часто гастролировали артистические труппы из Томска, Москвы, Новосибирска, и мы, студенты-филологи, не пропускали ни одной постановки.

Весной 1965 года Новосибирский ТЮЗ привез оперетту «Алкины песни», либретто к которой написал по одноименному рассказу сам автор.

Актеры играли великолепно. Повествование о неразделенной любви Алки Угловой было близко и понятно всем сидевшим в зале. Аплодисменты долго не стихали, зрители не хотели отпускать артистов, так тонко и проник-

«А я ведь очень хорошо знаю его автора».

Мы стали просить Якова Петровича рассказать об А.С.Иванове, и он пообещал завтра после лекции поделиться своими воспоминаниями. Назавтра остались все, кто был в аудитории (мы, конечно же, рассказали свой «секрет» сокурсникам). Из рассказа Якова Петровича, а он занял более двух часов, хотя о времени никто не вспоминал, мы узнали, что Яков Петрович и Анатолий Степанович Иванов — земляки, оба родились и выросли в Шемонаихе, а Яков Петрович даже преподавал математику в школе, где учился будущий писатель. Анатолий, как вспоминал преподаватель, был очень серьезным, скромным, молчаливым; учился хорошо по всем предметам, но особенно отличался знаниями по истории, языкам и литературе. Очень много читал. Говорил мало, но ярко и образно. Писал смешные эпиграммы на одноклассников и давал очень меткие, но не обидные прозвища учителям. Якова Петровича, например, прозвал Жаком. Это имя он дал преподавателю математики после просмотра какого-то французского фильма (мать Анатолия, Марфа Логиновна, работала техничкой при клубе, мальчик ей часто помогал, и, случалось, смотрел урывками кинокартины), в одном из героев которого увидел поразительное сходство с Яковым Петровичем Цыкуновым.

Так вышло, что бывший фронтовик, а ныне учитель математики Я. П. Цыкунов и его тоже бывший ученик в 1946 году поступили в один и тот же университет имени Кирова в Алма-Ате. Только на разные факультеты: Анатолий Иванов стал студентом журфака, а Яков Петрович студентом филологического факультета.

Земляки жили в одном общежитии, часто встречались, вместе ездили на каникулы домой.

Учились жадно, много читали. В комнате Анатолия свет выключался далеко за полночь. Он запоем прочитывал одну книгу за другой, особенно увлекался произведениями М.Шолохова, И.Шишкова, А.Куприна, Д.Мамина-Сибиряка.

В общежитии университета то и дело вспыхивали дискуссии, споры на разные темы. Яков Петрович вспоминал, что Анатолий больше слушал других, чем выступал сам. А если и говорил, то очень редко, но его выступления поражали аргументированностью, отличным знанием предмета спора, коли речь заходила о книгах. Все поражались глубине познаний и основательности суждений этого скромного парня. И никому, наверное, в то время в голову и не приходила мысль о том, что этот серьезный, так много знающий студент из мало кому известного провинциального городка — Шемонаихи — станет маститым писателем, произведения которого никогда не будут залеживаться на полках книжных магазинов.

...Яков Петрович Цыкунов ещё долго рассказывал студентам о своём знаменитом земляке Анатолии Степановиче Иванове, отвечал на вопросы о его детстве, военном отрочестве и юности, о Шемонаихе, их общей родине.

Вот так и произошло второе моё заочное знакомство со ставшим для меня любимым и близким человеком и писателем А.С.Ивановым, которого я открывала, читая его талантливые книги.

Вживую Анатолия Иванова мне посчастливилось увидеть и услышать трижды. Сохранился блокнот, куда я записала впечатления от этих встреч.

В 1978 году, в год 50-летия Шемонаихинского района Анатолий Степанович приехал на юбилей и принял участие в празднике, который проходил на городском стадионе. Его выступление отличалось от всех юбилейных речей какой-то удивительной теплотой и проникновенностью. Писатель говорил о родном городе — Шемонаихе — как о месте, где он «научился различать волнующие запахи распаханной весной земли и росных летних лугов, раскаленных зноем каменных гор и покрытых толстым снежным покровом полей; здесь впервые познал высочайшие взлеты

просто, с душевной чуткостью и по-ем насущных проблем образования».

Своему знаменитому земляку учи давали много вопросов, и он обсто отвечал на все до одного, как будто о-ясь перед требовательными и заинтер-ными читателями: «У Вас не встретит-штампованных фраз. Как Вы достигл-яркого, образного и неповторимого сл-го мастерства в своих произведениях-штампов меня отучили еще тогда, -проходил журналистскую практику, «Иртышская правда». Однажды реда-задание написать статью о камволь-ном комбинате. Я побывал на комби-говорил с рабочими и за два часа на-статью. Ох, и летели от меня пух и-планерке, где разбиралась моя «нет-На всю жизнь запомнил фразу: «О-камвольном комбинате — суконным яз-

Стыдно мне было еще и от того, ч-ки, мол, особенно старики, говорили и ярким языком. Вот с того времени-прислушиваться к их речи, занимал х-ные словечки. Потом мне было уже л-писывать диалоги персонажей моих к-

«Как Вы, Анатолий Степанович от-к нынешней молодежи? Вас не раздра-низм молодых людей, их жесткость, -ние к нашим святыням?» — «Знаете, м-ся, не надо ругать огульно всю мол-Ведь и среди старшего поколения ес-разные. Я часто встречаюсь со сту-и школьниками Москвы, и у меня с-ется прекрасное впечатление о молд-делах». — «Что Вы сами скажете о с-писателе?» — «Не думайте, что я ко-но я не уверен, что считаю себя писа-хотел бы считать себя рассказчиком-одно и то же. Писатель занят серьезн-блемами, он пишет о том, во имя чего-как должны жить люди. А рассказчик-том, как живут люди». — «Что Вы мо-зять о своей личной жизни?» — «Мо-жизнь, как оказалось, тесно связан-ческой жизнью, и она, как творчест-переменчива. Сейчас я стал уже-дой, и выяснилось, что ни Льва Тол-Фолкнера из меня не вышло, хотя в-пишу, публикуется. И на передний пл-нулись какие-то странные вещи: я вдр-что у меня есть семья, что брак — это-процесс. Выяснилось, что дети — э-питаловложение, не объект для тв-тенций и не приниженные существа-ты почему-то должен воспитывать-сам далеко не идеалом, а это какие-создания, от которых ты зависишь-рыми ты любой ценой должен сохра-мальные человеческие отношения. З-лось очень важным для меня».

После таких поразительно чело-своей открытости откровений Анато-панович становился еще ближе и-своим землякам, которые не про-наверное, ему высокомерия и чванст-

Так уж устроена жизнь, что от-любим, кем восторгаемся, требуе-шего, чем от людей, к которым равн-А уж писателя, затронувшего душу, -маем, как близкого человека и суди-очень строго.

Но Анатолий Степанович Иванов-ей жизнью, такой подвижнической,-ной, наполненной до краев тво-доказал, что экзамен на Мастера и-ка выдержал. В памяти нашей он-таким, какими были лучшие и люби-герои его книг: Захар Большаков, Кружилин, Панкрат Назаров, Иван-люди с чистой совестью, отзывчивые-но твердые и принципиальные.

...Шемонаиха — небольшой рай-род в Восточном Казахстане, или-ном Алтае, как его еще называют-этот ничем особенным не Примеча-наверное, таким бы он и остался,-русский писатель Анатолий Степан-нов не прославил бы его вначале в-

ИТАК ЖИЗНЬ ЭТО

ца, по зову его родины, поскольку жить в разлуке с родными местами непросто.

Образ Марьиного утеса в романе прослеживается с первых страниц и до конца. Вот как он описан в самом начале: «Каждое утро, когда еще не было видно солнца, гранитная верхушка утеса над Светлихой уже окрашивалась в красно-розовый цвет. По мере того, как где-то поднималось солнце, краска с вершины утеса стекала все ниже и ниже. Розовый цвет превращался в желтоватый, блекнул прямо на глазах. Казалось, вот-вот камни совсем потухнут. Но через несколько минут бледно-желтая краска начинала блестеть, принимала медноватый оттенок. И вот уже весь утес горел золотом, горел столь ослепительно, что на него больно становилось смотреть...»

Люди издавна заметили эту игру света и окрестили утес Злат-камнем.

Но утес в романе показан не только в минуты торжества, когда ему улыбается солнце, но и в трагические моменты его бытия: на нем была убита Марья Воронова, на нем же в расселине, из которой вынули ее полуживую маленькую дочку, и похоронили председателя колхоза «Рассвет».

А утес теперь все чаще называют Марьиным. Вот так Злат-камень стал называться Марьиным утесом. Наш Марьин утес – одинокое деревце на вершине, небольшое озеро у его подножия, кажется, все так просто... На самом деле, возможно, каждый из нас не раз задумывался о том, что есть в этом утесе какая-то тайна, но нам, людям, неподвластно ее разгадать. Да то же озеро у подножия!... Мы знаем, что речка пересохла от времени, осталось озерко, но мы нередко пытаемся это философски переосмыслить. Например, наш земляк В.С. Селиванов представил себе образование озера так: «По-над сопками Марьин утес охраняет природные дали. У подножия из марьиных слез озерко – символ вечной печали».

Я и сама была у Марьиного утеса, фотографировалась на его фоне. Я подошла к прозрачному озерку, от него веяло прохладой. Это так приятно. Утес напомнил мне корабль, который плывет по Черному морю, а за штурвалом стоит одинокий капитан-березка.

Марьин утес не только символ нашего района, но еще и природный памятник Иванову, его произведениям.

Известно, что Иванов был похоронен на одном из московских кладбищ, то есть не на своей родине. И поэтому его друзья, российские писатели, решили, что земля на кладбище должна быть смешана с землей из родных мест, а именно с Марьиного утеса. Эта миссия была поручена Евгению Курдакову, российскому поэту, уроженцу нашего края. В поездке участвовала и его дочь Юлия, художница, а также фотографии и журналисты».

Путь земной русского писателя Иванова завершён. Но его земная жизнь осталась на страницах талантливых книг и переживается вновь и вновь тысячами читателей.

...Земля родная помнит и любит А. С. Иванова, отзываясь на его талант, доброту и сердечную привязанность.

Пятого мая 2006 года, в день рождения писателя-земляка, в одном из самых людных мест Шемонаихи, в сквере, на улице Советской, на месте будущего памятника был заложен памятный камень. Активно работает ООО «Фонд Анатолия Иванова», в котором участвуют люди, хорошо знавшие своего знаменитого земляка: художник Б.Морозов, настоятель храма, иерей Виктор, В. Фоминых, М. Степанова; свою посильную лепту вносят в создание памятника ученики-выпускники школы № 1, где учился А. Иванов, интеллигенция района, – словом, все те, кому дорога память о талантливом русском писателе Иванове, чей дар взрастила щедрая шемонаихинская земля.

Тамара ТРУНОВА,
учитель русского языка и литературы
Барашевской средней школы,
руководитель
историко-краеведческого музея
Шемонаихинский район

Татьяна?». Не то Разбежкина, знакомая по длиннющему телесериалу, не то пушкинская Ларина с присущими обеим душевной открытостью и чистотой помыслов? Та самая! Хотя живет она совсем при иных обстоятельствах, чем ее тезки. Но, подобно им, умеет всегда оставаться собой. Гармония ее личностного состояния так влияет на окружающих, что иные признаются: и себя-то они начинают уважать рядом с ней, и дышится им хорошо, словно особый легкий воздух сопровождает Татьяну.

«Легкий воздух» – так называется и сама комедия современного драматурга Виктории Доценко, которую поставил в качестве премьеры русский драматический театр имени Ф.М. Достоевского в Семее.

Потеряв в детстве отца, облучившегося физика-ядерщика, а потом и мать, живет героиня пьесы с бабушкой-инвалидом, работает продавцом и «по совместительству» – уборщицей. На судьбу не ропщет, перебивается от зарплаты до зарплаты, и светится любовью к своему другу и к бабушке, воспитавшей ее, доверчивостью к подруге, пониманием всех остальных. На поверку друг оказывается мелким наркоманом и изменником, подруга – корыстолюбивой нахлебницей. Впору черным тучам сменить атмосферу чистоты. Но нет...

– Открытый финал пьесы в духе чеховской традиции в русской драматургии, – говорит приглашенный на постановку молодой режиссер, выпускник Российской академии театрального искусства Павел Лаговский. – Это оставляет зрителю простор для самостоятельного осмысления.

Как всякая пьеса, эта – будто вырванный отрезок из жизни. Непростой, порой жестокой, ставящей перед каждым человеком дилемму: налево пойдешь – себя потеряешь, направо – трудностей хлебнешь столько, что мало не покажется. Это и есть главная тема «Легкого воздуха».

– Спектакль воспроизводит период нашей жизни после развала СССР, когда в ломке социально-экономических и политических устоев появился пласт «ненужных» людей, – комментирует режиссер П.Лаговский. – Не сломаться, остаться человеком трудно, но возможно, наверное, во все времена.

Как повелось в театре имени Ф.М. Достоевского, «Легкий воздух» играют два состава актеров. И оба воссоздают максимально узнаваемые образы, пиковые моменты людских отношений, жизненных обстоятельств. Милая Татьяна Анны Юдиной и Валентины Инешинной, неверный друг Андрей, в исполнении Александра Сухова и Юрия Рябцева, бабушка – заслуженной артистки Республики Казахстан Светланы Забелкиной и заслуженного деятеля искусств Людмилы Никоновой, «новый русский» – Андрея Глушкова... – все герои попадают в душу зрителя, не оставляют его равнодушным.

Спектакль, хочется заметить, необычен на фоне репертуара нашего театра последних лет. Без надрыва и любовных атак в зал со сцены входят правда жизни и урок, который каждый волен извлечь из нее. Это тем более удивительно, что зритель, уже приученный к буффонаде и трагическим страстям в театре последних лет, подобного не ожидал. И постановщик, по его собственному признанию, больше любит иную драматургию – театр абсурда. Но ведь правда и то, что в жизни, а значит и в пьесах, есть всегда место как подвигу, так и абсурду. Может, потому «Легкому воздуху» сопутствует успех?

Людмила ЧАСНЫК
На снимках автора: сцены из спектакля «Легкий воздух»
Семей